

ЛАУРЕАТЫ РОССИИ

Александр Невский

Александр Невский

Александр Невский

Александр Невский

Александр Невский

Александр Невский

ЛАУРЕАТЫ РОССИИ

АВТОБИОГРАФИИ
РОССИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

КНИГА ТРЕТЬЯ

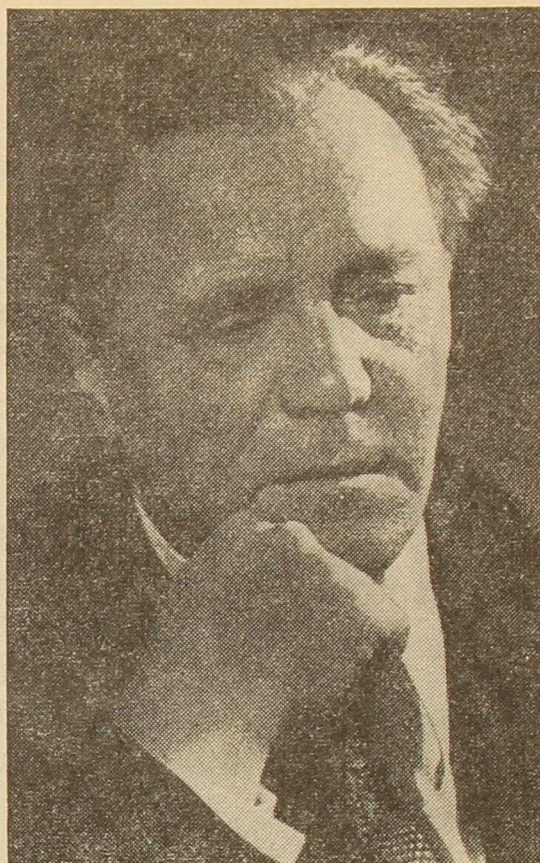
900497
85 02 22
77

„СОВРЕМЕНИК“
МОСКВА · 1980

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. Н. К. КРУШИН

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ
СССР ЗА ПОВЕСТЬ
«ЦАРЬ-РЫБА». 1978 г.

В. Астафьев

**СОПРИЧАСТНЫЙ
ВСЕМУ
ЖИВОМУ**

Вот и полсотни настало!

Иногда я кажусь себе стариком, усталым, разбитым, чувствую за собой бесконечную вереницу прожитых дней, похожих на окна современных стандартных домов, из серых блоков сложенных. А иногда кажется, что я еще не жил, только начинаю жить и время, пройденное мною, всего лишь краткий и яркий миг, ослепивший меня так, что ни проморгаться, ни оглядеться я еще не успел...

Никогда не думал, что доживу до пятидесяти лет. Право слово. Этакое чувство или наваждение есть почти у всех фронтовиков-окопников, не раз и не два с глазу на глаз остававшихся со смертью. Каким безбрежным, космическим пространством отделено было слово — полвека! — от военной юности и какое оно все же невероятно емкое, эпическое и в то же время до нелепости неожиданное — пол-ве-ка!..

Но оно есть, оно существует, оно заставляет привыкнуть к себе и... даже переступить через себя. И не просто перемахнуть на крылышках, а перейти, будто через горный перевал, в самый, быть может, важный этап жизни, за которым брезжит не такая уж заманчивая и радостная даль.

И не одного меня, всех нас, начавших жить в год смерти Ленина и приблизившихся к полувеку, обступают вопросы и тревоги: как это я умудрился столько прожить? По какому праву? Чем я лучше тех молодых парней, которых сам закапывал на обочинах военных дорог?

За что судьба даровала мне счастье жизни? Достоин ли я его, этого счастья? Все ли делал для счастья

других? Не разменял ли так тяжело доставшуюся мне жизнь на пятаки? Всегда ли был честен перед собой? Не рвал ли хлеб изо рта близких? Не оттирал ли с дороги слабых?..

Вопросы, вопросы. И никто на них не подскажет ответа.

Вот полсотни лет минуло, из них двадцать с лишним литературе отдано, но ни себе, ни читателям не могу толком ответить на такой простецкий, почти обыденный вопрос: «Как вы стали писателем?»

Все-таки склоняюсь к мысли, что писателем рождаются. Утверждать с уверенностью сие не берусь, но оглянуться на свой житейский опыт рискну.

Родился я неподалеку от Красноярска, в ночь на второе мая 1924 года, в селе Овсянка, жители которого носят убийственное прозвище — «гробовозы». Деревенское предание гласит, будто кто-то из моих односельчан, пребывая еще во «тьме безграмотных веков», умыкнул гроб с богатым покойником и разболок его. Правда, современное поколение моих односельчан и преобразователи Сибири — новопоселенцы «подредактировали» прозвище наше, осознанно и эгоистично, желая поскорее отделаться от «темного прошлого», — в «гроботесы». Вот она, эволюция слова, о которой так много толкуют, — наяву, так сказать, на практике повседневной!

Сказка про гробовозов была первым художественным произведением, узнанным мной в жизни. Доводилось мне позднее слышать немало сказок и похлеще, да и сам я рано пристрастился выдумывать всякую чертовщину, за что мне, конечно, попадало. Уж такова доля выдумщика — во все времена всех выдумщиков бьют и поносят, но обойтись без них люди отчего-то не могут.

Любил я и люблю родных моих гробовозов (я уж по старинке буду называть земляков своих — привычней как-то, хотя и корябает ухо) — гулеванов, зубоскалов, сказителей и драчунов, которые и в работе вели себя, как в драке, все с налету делали, рывком, махом, и еще пели здорово, пели и плакали — это уж непременно: сентиментальный в гулянке народишко. Но на войне мои земляки не были в хвосте. Очень многие погибли, немногие вернулись инвалидами с фронта.

Некий налет сентиментальности просочился и в мой характер и оказался непобедимым. По причине этой странности, вовсе вроде бы уж и нетипичной для «мужествен-

В. П. Астафьев — в родном
селе Овсянка на берегу
Енисея. 1972 г.

ных и суровых сибиряков», я рано и навсегда полюбил дивную нашу природу: лес, Енисей, Караульный бык, нависший над рекой супротив родного села, земляничные увалы за селом, звонкие речки, солнце, отвесно стоящее над домами и горами, весенние утра с хрустким ледком на вчера лишь сделанных снеговых ручейках, первое земляное лакомство — луковки саранок и кандыка на проталинах, подснежники, редкостными самородками засветившие-

ся на припеках, у которых желтое око закрывалось на ночь мохнатыми кремовыми лепестками. Название этим подснежникам я узнаю потом и порадуюсь его точности и красоте — сон-трава!

Памятны мне и летние деревенские вечера, когда село, разморенное жарою, почти до полночи все что-то гоношится, не засыпает, звякая коровьими боталами, стучая веслами и шестами, ширкая торопливыми пилами на берегу реки, — сплавной лес в дрова превращают земляки! Пахнет дымокурами, оседающей пылью, куриным пером, несет запахом вареной картошки, под чугунками дотлевают угли во времянках, средь двора на жаркую пору устроенных. Матери с прутьями в руках ищут по селу ребятишек, пропавших еще утром со двора, и чаще всего находят их на берегу, и гонят их, как блудных телят, домой, стегая и ругаясь.

Ну, а как забыть осенние дни, когда село наше — и дома, и дворы, и улицы — и маленькое уютное кладбище забрасывало золотом листвы, снесенной ветром с гор, и полными корзинами старые и малые тащили из сосняков боровые рыжики, рубиновую бруснику, пламенную рябину?! Ночью по реке медленно, украдкой двигались шатучие огни лучильщиков — рыбаков; на убранных огородах делалось прозористо, свободно, а из распадков с каждым утром все ближе к домам катились искристые платы, из белых иньев сотканые.

Однако по-особенному, как-то даже притаенно и робко любил я зимние вечера. Над увалами за селом долго и недвижно багровела красная заря — на ветер. Село цепенело в сумерках от мороза; хрустело под ногами людей, хрустало под копытами лошадей, трещали деревянные избы, из скалистого коридора реки тянуло каленым хиусом, коробящим лицо; скрип полозьев разносился, да такой резкий, что обоз, приближающийся к селу, слышно было еще от займища. За обозом, на зимнике, пробитом в торосах, оставалась гладкая стеклянная полозница, зеркально сверкающая в серой мгле зимней ночи.

Матери, занятые в этот час дойкой коров и другой вечерней работой, часто высылали ребятишек встречать подводы. Из села в Красноярск возили на продажу мороженое молоко, мясо, рыбу, овощи, но большей частью швырковые дрова, в заготовке которых шибко наторели многие поколения моих односельчан. Из города большинство «гро-

бовозов», удачно закончивших торг, являлись с песнями, а то и сраженные сном — надо было выловить свою лошадь и доставить недвижимого хозяина дома, где встречаем он бывал бранью, а то и тычками в бесчувственный загрибок. «Сам», как правило, на тычки не в состоянии был реагировать и даже не просыпался, и надо было его волоком затаскивать в избу и оттирать, коли он не успел ознобиться, либо заваливать на печку огрузшее тело.

В доме бабушки горьких пьяниц не было, и никто меня на реку не посылал в качестве связчика, и потому я катался на санках с яра либо с увалов до позднего часа и до полного изнеможения.

Каким же наслаждением было продрогшему до последней жилки малому человеку сбросить настывшие катанки с сенной стелькой, высунувшейся в протертый задник, пальтишко сбросить, шапку да соколом взлететь на всегда жаркую, уютную и гостеприимную русскую печь! И там, на печи, выть — рвало настывшие руки и ноги, глуша стелания кулаком, заткнутым в рот, чтобы взрослые — упаси бог! — не слышали, иначе добавят!

Ужинали неторопливо, степенно, однако свет гасили рано, экономя керосин. В избе, наглухо закрытой ставнями, наполненной устойчивым теплом, курили, гулко кашляли, негромко переговаривались заезжие обозники. Слышен был шорох снега в трубе. И от шорохов, от темноты, сомкнувшейся вокруг, веяло таинственностью, но таинственностью привычной, своей. Зато мир за стеною из домашней темноты и теплоты казался еще студеной и зловещей.

Набившиеся спать на полати, на печь, на пол и на лавке обозники, охотники, вернувшиеся с промысла, «божьи странники», которых бабушка охотно привечала, развязывали мешок с кедровыми орехами и прежде всего оделяли ими малых — насыпали лакомство в лодочкой сложенные ладони. По всей избе слышался хруст, треск, и начинались беседы. Под частый, дружный перещелк верховские обозники и таежники, в первую голову «божьи странники», повествовали о таких «палестинах», о таких страстях-ужастях, в особенности о надвигающемся «конце света», что забьешься, бывало, за печную трубу, сожмешься в комочек, чтоб, когда явятся «христовы судьи» волоочь всех на правеж, «не заметили бы», да так и уснешь, точнее, провалишься в сон, как в бездну, сломленный уста-

лостью и страхом, даже и орешек во рту иной раз не раскушенный останется.

Еще очень любил я и люблю цветы. На заимке, бывало, заваливал избу жарками, медуницей, кукушкиными слезками, венериными башмачками...

Бабушка, Екатерина Петровна, похваливала меня: «Вот молодец! Вот молодец!» А я стараюсь, а я таскаю цветы беременем. Но какая посуда в крестьянстве? Банок не было никаких. Бабушка в недобитую кринку поставит букет, кое-что посушить на лекарство выберет, а всю остальную красоту незаметно выкинет на зады заимки под берег. Я найду цветы — и в рев. Бабушка утешать меня: «Завтра еще нарвешь. Цветов-то вон ведь эсолько много!»

И то правда. Цветов на моей родине очень много. Кто-то из налетом побывавших в Сибири «знатоков» печатно брякнул, будто цветы у нас не пахнут. И пошла небыль кочевать по бумаге. Нет, цветы и наши пахнут, но пахнут по-особому, может, не всякому носу доступно. Вот, допустим, у стародубов запах густ, таежен, таит в себе какую-то пещерную мрачность, а в цветении он застенчив и прекрасен этой застенчивостью. Понюхав потаенный цветок стародуб, не скажешь растроганно: «Ах, какая прелесть!» — но непременно примолкнешь в себе, и что-то древностью веющее встревожит память...

Пользуясь случаем, расскажу веселую притчу о сибирских цветах. Случилось это якобы вскоре после сотворения мира. Земля была уже заселена людьми, скотом, птицами, засажена деревьями, и бог исполнял последнюю работу — засеивал землю травами и цветами. Но так как весь мир сотворялся долго, то к этой поре бог уже не ходил пешком, а летал на самолете.

К началу нашего повествования он уже все Америки прошел. Европу минул и за Россию принялся. Свой рабочий день создатель начинал в восемь утра, как и все трудящееся человечество данной страны, и работал целый день, разбрасывая с самолета горстями семена. Сначала он разбрасывал их экономно, без спешки, да вот уж прошла половина дня, пора бы и пообедать создателю, но конца России все еще не видно, а семян в мешке все еще было много. И бог начал торопиться. Над Уралом он бросал семена уже как попало, и оттого здесь где густо, где пусто. На севере Урала, например, есть удивительные альпийские луга, усыпанные разнотравьем, а южный Урал, особенно

Оренбургские степи, головаты и зацветают лишь на короткий срок — веснами.

За Уралом бог заметно притомился — скоро конец рабочей смены, а края земли все нет и нет. Сквозь пальцы лениво трусил семена меж березовых колков, скудных перелесков, и потому по Западной Сибири большей частью трава да клубника растет.

Самолет тем временем все летел и летел, и все не было края земли, хотя давно уже наступил вечер и все трудовые люди отдыхали после смены. И тут бог не выдержал, совсем рассердился и закричал громовым голосом: «Мне сверхурочные не платят!» — и бухнул из мешка над Саянским хребтом все оставшееся семя. Подхватило то семя ветром, и разнесло его по Сибири, по Забайкалью, вплоть до самого Дальнего Востока...

Не помню, где и когда я слышал эту притчу, но очень люблю ее, и люблю свою землю, и не устаю удивляться красоте ее, неистощимому терпению и доброте.

Рано потерявши мать — она утонула в Енисее летом 1931 года, я, естественно, тянулся ко второй и неизменной моей матери — земле. И жизнь предоставляла мне постоянную возможность быть на природе и с природой.

В 1934 году отец женился на бирюсинской женщине, и сначала мы жили в поселке Лиственном, затопленном ныне Красноярским водохранилищем, затем переехали в поселок Сосновку, что стоит вверх по Мане-реке, впадающей в Енисей в пяти верстах от нашего села. А летом 1935 года отчалили на заработки в Игарку.

Здесь мы хватили лиха. В 1938 году я умудрился поломать правую ногу в бедре. Хвативши уже в досталь сиротства, беспризорничества и бродячей жизни, я жил в игарском доме-интернате. Мне шел пятнадцатый год, и я ровно бы оправдывал свое происхождение из «гробовозов» — был озорным и бесшабашным подростком, любил читать книги, петь, болтать, выдумывать, хохотать и кататься на лыжах. За исполнение песни «Бобыля» и «Машиниста» на районной олимпиаде меня премировали финскими лыжами. Крепкие оказались лыжи! Когда я сиганул на них высоко и далеко, они выдержали, нога — нет.

Пролежал я в больнице почти четыре месяца загипсованный, потом еще полтора года не сгибалась схватившаяся в колене нога. Отец и мачеха сыскали меня и увезли,

На VI съезде писателей СССР.
Н. С. Гилевич, Г. Н. Буравкин, В. П. Астафьев

уверив, что без ихнего надзора я не только ноги, но и голову себе сверну.

Отец работал десятником на дровозаготовительном участке возле станка Карасино, по слухам ныне не существующего. У отца с мачехой уже было нажито двое детей. Отец пьянствовал, мачеха шумела, голодные дети орали. Зачем понадобилось отцу с мачехой забирать меня из детдома, где я был сыт, одет и обут, — для меня до сего дня остается загадкой.

Я попробовал зарабатывать себе на хлеб — спускать дрова из штабелей. В ту пору многие пароходы ходили по Енисею на дровах. Делался лоток из досок, его смачивали водой. И вот по этому лотку с крутого яра торпедами летели поленья. Полутораметровые листовенные поленья часто застревали в лотке. Бегать снизу вверх с поломанной ногой, высвобождая севшие поленья, и таскать их от поленицы к лотку оказалось непосильно. Я слег. А когда поднялся, нашлась мне работа, которую я страстно обожаю до сих пор.

В трех километрах от берега Енисея, на Маковском озере, отец соорудил мне плотик, выложил на нем очаг из

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Астафьев. Сопричастный всему живому	6
Сергей Воронин. Страницы жизни	30
Расул Гамзатов. Спецкор Дагестана	92
Юлия Друнина. С тех вершин...	138
Агния Кузнецова. «Матрешинская богородица»	203
Сергей Наровчатов. Пути поэтов	222
Виктор Перцов. Чувство горизонта истории	278
Николай Тихонов. Знаки времени	300
Василий Шукшин. (Очерк В. Коробова) «Нравственность есть Правда»	362

ЛАУРЕАТЫ РОССИИ

Редактор
Т. Ильина
Художественный редактор
О. Червецова
Технический редактор
Л. Дунаева
Корректоры **В. Лыкова,**
Н. Попикова

ИБ № 1774
Сдано в набор 14.09.79.
Подписано к печати 23.05.80.
А09095.
Формат 84×108^{1/32}
Гарнитура литерат.
Печать высокая
Бумага тип. № 1.
Усл. печ. л. 22,68.
Уч.-изд. л. 22,22.
Тираж 50 000 экз.
Заказ 2672. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Госкомиздата БССР. 220827,
г. Минск, ул. Красная, 23

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48